

- тією чи іншою мірою міжконфесійний діалог в його сучасній затребуваності може/буде використовуватися з прозелітичною метою;
- плекати особливі надії на саму можливість подолання труднощів, які з неминучістю постануть на шляху розгортання міжконфесійного діалогу, а відтак і на досягнення такого ступеню діалоговості, який би задовольняв як потреби в горизонталі «людина – світ», так і на вертикалі «Бог – людина», не доводиться;
- перспективи міжконфесійного діалогу, як у його планетарних, так і українських вимірах, правомірно розглядати в контексті кращої виrozumілості на проблемах церковно-релігійного розвитку, в тому числі й істинності релігії в її абсолютно заявлених теоретичних засновках та відносно можливій практичній реалізації.

Юрій ЧОРНОМОРЕЦ

СВОБОДА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ДИСКУРС

Долгое время в православном мире существовали противоречия по линиям «греческие Церкви» – «славянские Церкви», «Церкви свободного мира» – «Церкви коммунистического блока». В первое десятилетие XXI века РПЦ обнаружила собственное одиночество. По большинству богословских, экуменических, церковно-политических проблем РПЦ занимает более консервативную позицию, чем другие православные Церкви, которые поддерживают умеренный консерватизм Патриарха Варфоломея, его осторожный экуменизм, его политику укрепления единства Православной Церкви вообще и единства православных в Европе в частности. Вместо конструктивной политики в таких изменившихся условиях Патриарх Кирилл, во многом из-за стремления сохранить Украину в Московском Патриархате, перешел на позиции крайнего фундаментализма. Углубление мировоззренческих противоречий может завершиться глобальным кризисом православия. На сегодня, кроме попыток подкупить Патриарха Варфоломея, никаких шагов для сближения с мировым православием Патриарх Кирилл не предпринимает. Наоборот, каждый год делаются все новые шаги к фундаментализму, что не может не вызывать тревоги.

Патриарх Варфоломей о православии как части Европы. Патриарх Варфоломей с одобрением отзывается о Европейском Союзе, о его достижениях. «Европейские народы наслаждаются свободой, справедливостью и демократией в такой степени, которая в 1930-е годы казалась невозможной» (Патриарх Варфоломей. Приобщение к таинству. Православие в современном мире. - М., 2008. — С. 291). Европе удастся сохранять мир и оставаться при этом единством разнообразия (Там же. - С. 291-292). Патриарх подчеркивает, что православие полностью приемлет систему европейских ценностей. «Западную цивилизацию, если понимать под ней европейское и американское культурное пространство, нельзя более воспринимать исключительно в географических терминах или

ограничивать узкими рамками общей истории и специфической культуры. Она находится в более широком контексте, воплощая собой, прежде всего, набор фундаментальных ценностей и принципов, разделяемых многими нациями по всему миру, — прав человека, религиозной свободы, социальной толерантности, власти закона» (Там же. - С. 322). Эти ценности нельзя отвергать только потому, что к их воплощению в жизнь приложили большие усилия светские деятели, враждебно настроенные по отношению к религии. Так же нельзя эти ценности и принципы «религиозной свободы, социальной толерантности, власти закона» отвергать в случае злоупотреблений со стороны тех или иных властей в Европе.

Патриарх Кирилл о православии и «русском мире» как альтернативах Европе. Согласно Патриарху Кириллу, от «Запада» отличается, во-первых, восточно-христианская цивилизация, а во-вторых, «русская цивилизация» или «русский мир». Различие между Европой и цивилизациями православной и русской существует из-за различия основных ценностей. «Что касается Западного мира, то в нем утвердился особый цивилизационный стандарт... В основу этого стандарта положен так называемый либеральный принцип, провозглашающий индивидуальные свободы высшей ценностью» (Кирилл, митрополит. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. - Москва, 2008. - С. 125). Заметим, что если для Патриарха Варфоломея «западная цивилизация» основана на ценностях и принципах «религиозной свободы, социальной толерантности, власти закона», то с точки зрения Патриарха Кирилла — только на ценности прав индивида.

По мысли Патриарха Кирилла, православная цивилизация характеризуется прежде всего тем, что религия для нее дело не индивидуальное, а общественное. Для христианского Востока важно не лично верить, а воплощать религиозный идеал в общественной жизни, в устройении семьи, коллектива, народа, государства. Зададимся вопросом: неужели социальное учение Католической Церкви не говорит о необходимости воплощения социального идеала в общественной жизни, в устройении семьи, коллектива, народа, государства? Но Патриарх не замечает такого рода фактов. Для него Европа — это только либерализм как идеология индивидуального эгоизма и общество потребления как следствие торжества индивидуализма. Но Патриарх Кирилл находит еще и дополнительные ценности православной цивилизации. «Христианскому Востоку свойственны и другие характерные черты: безусловное первенство духовного перед материальным, жертвенности и самоограничения перед стремлением к земному успеху, общих интересов над частными, верности истине и идеалам перед житейской пользой, земным благополучием» (Там же. – С. 124). Видимо, Патриарх о ценностях, принимаемых православными христианами в своей жизни, судит не из живого опыта, а из русской литературы XIX века. Отдельно Патриарх выделяет основные ценности особой «русской цивилизации» или «русского мира». «Традиционно народы Русского мира создавали общество на основе таких ценностей, как преданность Богу, любовь к Родине, человеколюбие, справедливость, межнациональный и межрелигиозный мир, стремление к знаниям, трудолюбие, уважение к старшим». Заметим, что в этих ценностях нет ничего специфически русского. Это перечень ценностей, обычных для традиционного общества.

Также, согласно Патриарху Кириллу, для «русского мира» характерны особые русские традиции государственности и особый образ жизни, отличные от

европейских. Следует, однако, заметить, что сегодня русские традиции в государственной и общественной жизни определяют только политическое лицо России. В Украине традиции казацкой демократии соединяются с традиционным индивидуализмом, порождая свою собственную политическую модель, радикально отличную от российской. Даже в Беларуси нашли собственные особенные традиции государственности и общественной жизни, что и прописали в учебниках по обществоведению и программных документах Всебелорусских собраний.

Патриарх Кирилл настаивает на антизападной идентификации для России и соседних стран. Православная цивилизация и «русский мир» должны найти себя в многополюсном мире в результате противостояния западной модели жизни, распространяемой в связи с глобализацией. Патриарх считает православных и русских свободными от обязанности принятия общеевропейских ценностей. Наоборот, Европа обязана учитывать православные и русские ценности при строительстве общеевропейского будущего.

Согласно Патриарху Кириллу, критерием для принятия или непринятия европейских ценностей и принципов должна стать Традиция. Приоритет Традиции обосновывается следующим образом. В своей книге «Свобода и ответственность...» Патриарх утверждает, что у всех людей есть естественная моральная интуиция, которая в частности проявляется как совесть. Под воздействием этой моральной интуиции возникают и сохраняются особые традиции, утверждающие тот или иной моральный образ жизни. Такие естественные традиции могут и должны критически переосмысливать европейские ценности и принципы, отбирать подходящее для себя и отвергать неподходящее.

Очевидно, что апология ценностей традиционного общества у Патриарха Кирилла связана с игнорированием наличия христианских корней у европейской идеи прав человека. Между тем, Патриарх Варфоломей признает, что учение о правах человека возникло под воздействием христианства и других религий.

Патриарх Варфоломей о религиозных основаниях прав человека и свободы совести. Патриарх Константинопольский пишет о том, что учение о правах человека возникло под воздействием христианского и шире — религиозного учения о человеке. И само по себе это учение не является враждебным религии, христианству, православию — несмотря на то, что определяющими для внедрения прав человека в жизнь явились усилия деятелей секулярного движения Просвещения. «Права человека», — пишет Патриарх Варфоломей, — «не изобретение Просвещения: они принадлежат к самой сущности религии, неразрывной с понятиями религиозной свободы и толерантности» (Варфоломей, патриарх. Приобщение к таинству. - С. 242). Относиться безразлично к фактам нарушения прав человека — это грех, сравнимый с Адамовым грехопадением. «Когда мы, верующие, не возвышаем свой голос перед лицом нетерпимости и жестокости — мы перестаем быть и верующими, и людьми» (Там же. - С. 242).

Патриарх Варфоломей является сторонником открытого общества, в котором обеспечены все права человека, и в особенности — свобода совести. Патриарх утверждает: «То, что современное, особенно секулярное западное общество пропагандирует как свое культурное достижение — выражение и защиту личной свободы в отношении к религиозному сознанию, — прямо вытекает из учения трех монотеистических религий: христианства, иудаизма и

ислама» (Там же. - С. 305). При этом Патриарх отсылает к словам из Корана, Нового Завета и иудейских писаний.

«Читаем в Коране: «И скажи: «Истина — от вашего Господа: кто хочет, пусть верует, а кто хочет, пусть не верует»» (18:29). Та же свобода видна и в Евангелии, где Христос неоднократно повторяет: «Если кто хочет идти за Мной — ... следуй за Мной» (Мф. 16:24). И в иудейских писаниях: «Он от начала сотворил человека и оставил в руки его произволения его» (Сир. 15: 14). Как же мы осмелимся, игнорируя и переворачивая с ног на голову все эти священные писания, навязывать другим свою веру?» (Там же. - С. 306).

Патриарх Варфоломей следует православной святоотеческой традиции, которая говорила о равной ценности для Бога всех людей. Каждый человек — образ Божий, и потому все наделены одинаковыми правами. Права человека не могут быть больше или меньше в зависимости от степени богоуподобления или грехопадения. Добродетельность или порочность отдельных людей не влияет на объем их прав — так же как и религия, раса, нация и другие различия.

Каждый человек абсолютно свободен в выборе — идти ему по пути богоуподобления или нет. Это выбор, который принципиально стоял еще перед Адамом, есть главный выбор человеческой жизни. Каждый обладает свободой именно для того, чтобы лично выбрать свой путь и нести ответственность за этот выбор. И Бог уважает личный выбор каждого, со всей серьезностью реагирует на него. Выбравший путь добра, путь богоуподобления, награждается Богом как свободная личность. Но Бог уважает и достоинство человека, выбравшего зло. Грешник свободно поступил, реализовал свою свободу, как он посчитал нужным. И Бог, уважая этот выбор, наказывает грешника.

Патриарх Варфоломей признает, что христианин знает и высшую свободу. Но это свобода послушания Христу, которая не имеет отношения к обычной человеческой свободе выбора. А только свобода выбора защищается нормами о правах человека. Только в этой свободе все равны — в том числе и с богословской точки зрения. Свобода человека как разумной души, выбирающей между добром и не-добром, — эта свобода одинакова у всех людей. И все люди имеют эту свободу, потому что являются образом Бога. Свобода же высшая, свобода «сыновей Божиих» — это свобода богоуподобленных людей, которые творят добро, уже не задумываясь об этом, уже не прилагая специальных усилий. Эта свобода даруется от Бога преимущественно святым. И эта свобода не может защищаться нормами о правах человека, ибо она — явление сверхъестественное. Две свободы — свобода общественная и свобода духовная — между собой никак не соотносятся. Равные права имеют и богоподобный святой человек, и новорожденный младенец.

В состоянии греха образ Божий в человеке затуманивается примесью страстей и часто не виден даже самому человеку, который уже даже не ощущает себя способным на свободный от страстей поступок. Но эта свобода выбора добра или зла всегда есть, и человек способен повернуть к добру с любой степени падения. А раз образ Божий в человеке не уничтожается его подчиненностью страстям, и свобода не уничтожается тем, что человек добровольно отдает себя в плен греховности, то и человеческое достоинство грешника такое же, как и у любого другого человека. А потому грешники имеют по естественному порядку такие же «права человека», как и праведники.

Права человека одинаковы для всех. Это особенно ясно из примера с правами детей. Человек еще младенец, еще не может вступить на путь духовного развития и богоподобия. Но уже имеет все права. И можно, и нужно отстаивать даже право на жизнь младенцам, которые еще пребывают в утробе матери. Таким образом, православное богословие, как показывает Патриарх Варфоломей, не ведет к размыванию европейского идеала «прав человека», но находит ему метафизическое основание.

Особо отметим, что пороки современной цивилизации Патриарх Варфоломей связывает не с учением о правах человека, и даже не с чувством вседозволенности, а со стремлением использовать другого человека как предмет удовлетворения своих желаний. Предметное отношение к другим порождает и отношение к себе как предмету, а отсюда — рассвет личной порочности. Освобождение от такой порочности возможно лишь на пути осознания каждым своей личной ответственности. Ограничения прав человека не могут помочь противостоять порокам современной цивилизации, а могут только уничтожить человеческое общество, ибо не будет уже как основы «религиозной свободы, социальной толерантности, власти закона».

Патриарх Кирилл об религиозных основаниях для ограничения прав человека и свободы совести. Согласно принятым на Архиерейском Соборе РПЦ в 2008 году «Основам учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», права человека не являются «Божественным установлением» (III.2). Патриарх Кирилл считает, что учение о правах человека возникло под воздействием языческого антропоцентризма Ренессанса, протестантского богословия и иудейской философской мысли, а окончательно сформировалось в эпоху Просвещения. Центральная для модерна идея прав человека унаследована эпохой постмодерна. Если во времена модерна права человека понимались более или менее определенно, то во времена постмодерна они трактуются расширительно. Это расширительное толкование, как правило, служит оправданием для индивидуального или коллективного эгоизма, для оправдания личных и общественных пороков.

При всем негативном отношении к учению о правах человека, Патриарх не может не признать того, что все люди равны как образ Божий. Каждый человек как образ Божий имеет одинаковые права и одинаковую свободу. В этом состоит первая грань достоинства человека. И первая причина ценности человеческой личности.

Но Патриарх Кирилл находит возможность оправдать особые права людей традиционного общества, истинных православных и истинных русских. Согласно с патриархом, все люди одинаковы как образ Божий, — все разумны и свободны. Эти общие способности люди призваны употребить для того, чтобы стать добрыми и любящими. Различные меры добродетелей, которые люди достигают лично, — это различные меры богоуподобления. И люди имеют различную ценность и достоинство в зависимости от меры богоуподобления. Эта концепция фактически приводит к рискованному выводу, что богоуподобленные имеют больше прав, чем отказавшиеся идти путем духовного развития.

Методологически неверно говорить, что христианин, обретший высшую свободу, имеет какие-то особые права человека, отличные от обычных прав. Его права определяются не степенью личного богоуподобления, не тем, что он свят.

Его права определяются тем, что он человек — такой же, как и все, разумное и свободное существо, образ Божий. Чтобы избежать апории, Патриарх предпочитает говорить о том, что богоуподобленные имеют больше свободы. Эта большая свобода выделяет богоподобных людей, но прямо заявить о больших правах богоподобных, Патриарх так и не рискует.

Заметим, что духовная свобода, которой одарен богоподобный христианин или святой, не имеет отношения к правам человека. Права человека есть категория естественного порядка вещей, как и свобода выбора. А святость и духовная свобода есть категория порядка сверхъестественного. Законодательные акты о правах человека, а также декларации, претендующие на влияние в правовой сфере, могут касаться только порядка естественного. Не может быть законов или правовых деклараций о высшей свободе. Поэтому принятый на Архиерейском Соборе РПЦ в 2008 году документ — по своему замыслу ошибочен. Эта ошибка — методологическая, ибо в этой декларации смешивается естественный и сверхъестественный порядки вещей, и святость ошибочно делается мерой для определения ценности или достоинства всех людей, тогда как по верному замечанию Патриарха Варфоломея «все люди равны по ценности и обладают одинаковыми привилегиями» (Варфоломей, патриарх. Приобщение к таинству. — С.. 226-227). Патриарх Варфоломей подчеркивает, что православные христиане призваны «защищать права человека для всех людей и всех народов» (Там же. — С.. 227), независимо от степени их духовного развития, а не искать возможности для ограничения чьих-то прав. Согласно Патриарху Варфоломею, «все люди равно достойны уважения и почитания, которых заслуживает подобие Божие» (Там же. - С. 308). **То есть все люди заслуживают того уважения и почитания, которое мы готовы оказать людям богоподобным, святым. Относись ко всякому другому человеку так, как ты бы относился к святому — вот категорический императив православного христианина, согласно Патриарху Варфоломею.**

Итак, чем больше мы христиане, тем больше мы должны уважать права других людей, а не думать об их ограничении или о своих особых правах. Тем более личная святость или традиционное благочестие народа не могут стать основой для обязанности воспитывать общество согласно своим ценностям, навязывать собственные традиционные нормы морали как обязательные к законодательному закреплению. А все это предлагает Патриарх Кирилл и «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008 г.).

Показательно, что свобода личности, согласно мысли Патриарха и соборным документам, — явление инструментальное. А нравственность может быть только общественной, коллективной. Отсюда естественно следует вывод о необходимости приоритета традиционной религии. По мысли Патриарха, традиционная религия — это основа того типа коллективной морали, который характерен для данного общества. Индивиды и общества с нетрадиционной религиозностью должны подчиняться моральным принципам и ценностям традиционного общества. Патриарх утверждает, что баптисты в России должны обязательно испытать воздействие православия и стать особыми русскими баптистами. А вот если не захотят становиться православными баптистами — тогда, конечно, нужно говорить о прозелитизме, духовной экспансии и

возникнет требование защитить духовное пространство православной цивилизации и «русского мира».

Но «защита» того, что есть — не главная цель Патриарха. Согласно ««Основам учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека»», государственное право не может ограничиться защитой от зла, но должно насаждать добро. При попытках насадить с помощью государства тот или иной идеал добра неизбежны ограничения прав человека. Патриарх предлагает соединять благо личное и благо общественное с помощью любви. «Духовный же опыт Церкви свидетельствует, что напряженность между индивидуальными и общественными интересами может быть преодолена тогда, когда права и свободы человека согласуются с нравственными ценностями, а главное — когда жизнь человека и общества оживотворяется любовью. Именно любовь снимает все противоречия между личностью и окружающими ее людьми, делая человека способным полностью реализовать свою свободу и одновременно заботиться о ближних и об Отечестве». Августин, Фома, Владимир Соловьев многократно доказали: цивилизация любви может существовать только как надстройка над правовым государством, в котором обеспечены и защищены права человека. Без этого фундамента всякая попытка построить цивилизацию любви заканчивается исключительно тоталитаризмом.

Требование сохранения особых цивилизаций в эпоху глобализации выглядит как порожденное не православным вероучением или богословием Церкви, а идеологией, отрицающей законность разнообразия в обществе.

Ценность разнообразия. Патриарх Варфоломей считает очевидным, что Бог своим промыслом управляет миром, и сложившееся разнообразие как мира вообще, так и каждого общества в отдельности есть дар Провидения. Отвергать этот дар означает оскорблять Творца. Патриарх напоминает всем православным, желающим замкнуться в рамках собственного мирка: «Согласно православному богословию, разнообразие мира напрямую связано с понятием Бога-Троицы — Бога как общения, выражающего тот же принцип и в Своем творении. Все люди, независимо от расы, национальности, религии, убеждений, цвета кожи и пола — живые и уникальные иконы Божьи» (Патриарх Варфоломей. Приобщение к таинству, с. 308). Даже в рамках одной культуры или цивилизации, в рамках одной религиозной общины сохраняется место и для личной уникальности, и для разнообразия — полового, возрастного. Стремление избежать встречи с другим, с чужим — глупо и бессмысленно. Другими могут выступить собственные дети. Чужим может оказаться любой человек. Боязнь столкновения с другим, боязнь чужого порождены самолюбием, которое, по словам св. Максима Исповедника, есть «мать всех грехов». Патриарх стремится доказать, что ксенофобия есть грех онтологический, принципиальный. «Возможно, первый случай ксенофобии мы видим в Книге Бытия, где рассказывается, как Адам отказался от близкого общения со своим Создателем, предпочтя отстраненность и отчуждение» (Там же. - С. 309). Люди, допустившие в свою душу ксенофобию, чужды Богу. Ведь «в объятиях Бога люди смотрят друг на друга не как на чужаков, которых надо опасаться, а как на братьев и сестер, которых надо любить» (Там же. - С. 309).

Приемлемым с точки зрения учения Патриарха Варфоломея является то общество, которое обеспечивает диалогические отношения, позволяет развиваться разнообразию внутри себя и обеспечивает свободу творить добро и ответственность перед лицом общества и будущего за творение зла. Это

общество должно строиться на принципах уважения личности и толерантности. «Противоположностью уважения и толерантности является страх и самооправдание, ведущие к фундаментализму и расизму» (Там же. - С. 309). Представители некоторых культур ищут оправдания для своей недемократичности. Такой путь ведет к гибели. Ведь самооправдание, по слову святых отцов, есть «мерзость перед Богом», проявление гордыни и тщеславия. И коллективное самооправдание народов не менее пагубно, чем индивидуальное самооправдание и самовозвеличивание. Патриарх Варфоломей упоминает и некоторые «цивилизационные проекты», вызвавшие принципиальную реакцию Константинопольской Церкви: «Еще в 1872 году, когда национализм широко шагал по Европе и другим регионам, создавая разнообразные шовинистические теории и давая начало панславянским, пангерманским и другим паннационалистическим движениям, Вселенский Патриархат официально осудил национализм и расизм формальным синодальным (т.е. соборным) решением» (Там же. - С. 312). Сегодня панславянский проект съезжился до учения о «единстве трех народов», но его националистическая и шовинистическая суть не изменилась. В осуждении 1872 года особо подчеркивается греховность привнесения такого рода национализма и шовинизма в церковную общность. Любое учение о необходимости отдельной церковной или духовной замкнутости в рамках одного или нескольких народов осуждено и не может быть оправдываемо. Единство национальное или единство цивилизационное не только не имеет отношения к заповеданному Господом единству церковному и общечеловеческому. Замыкание в единстве национальном или цивилизационном — греховно, и является прямым нарушением заповеди Господа о единстве всеобщем.

Какая православная социальная доктрина нужна России сегодня?

Полностью принимая учение о правах человека, Патриарх Варфоломей исходит из православного богословия. Выступая за ограничение прав человека в странах православной цивилизации или «русского мира», Патриарх Кирилл ссылается на необходимость воплощать в жизни народов ценности традиционного общества. Оттого, что учение Патриарха Варфоломея существенно православное и христианское, оно апологетично по отношению к правам человека и свободе совести. Потому что учение Патриарха Кирилла по существу — традиционалистское и идеологическое, он всячески пытается оправдать необходимость ограничения прав человека. Учение Патриарха Кирилла входит в противоречие с христианским отношением к человеку и его правам, а также противоречит основам святоотеческой антропологии. Занятая Патриархом Кириллом позиция порочна не только из-за своей богословской ошибочности. Концепция Патриарха Кирилла противоречит задачам модернизации России, которые сегодня ставит руководство этой страны. Противоречит оно стратегическим целям РФ во внутренней и внешней политике.

Экспертное сообщество должно ясно осознавать, что сегодня в РПЦ на вооружение взят православный фундаментализм Патриарха Кирилла, выраженный в документах и речах 2008-2010 годов, а умеренный консерватизм «Основ социальной концепции» 2000 года отправлен в архив. «Основы социальной концепции» еще признавали ценность прав человека. В 2008 году, кроме ограничения соображениями безопасности, защиты физического и психического здоровья граждан, Патриарх предложил сузить права человека,

обязав всех «почитать святыни». Это ценностное ограничение дает полную власть для любого ограничения прав человека. Обвинить в «непочитании святынь» или «уничтожении традиционных ценностей» можно любого. Это так же легко сделать православному Патриарху, как исламским фундаменталистам обвинять всех в том, что они «неверные».

Может ли православие стать идеологической основой для модернизации России, о чем постоянно заявляют в РПЦ? Только если РПЦ вернется к идеям «Основ социальной концепции» 2000 года и откажется от православного фундаментализма 2008-2010 годов. Начать с чистого листа в сфере социального учения, в сфере идеологии Патриарху Кириллу еще не поздно. Потому что при всей краткосрочной эффективности пропаганды православного фундаментализма, стратегически это путь в никуда. Это путь к религиозным расхождениям с остальными православными Церквями — что уже проявляется во время консультаций с католиками или Евросоюзом. РПЦ постоянно остается в гордом одиночестве при всех дискуссиях. Это путь к нарастанию напряженности с Католической Церковью: во-первых, консерватизм РКЦ не предполагает перехода к фундаментализму, во-вторых, тяжело представить себе католическо-православное сотрудничество в условиях, если обе стороны будут стоять на позициях собственного фундаментализма или даже если фундаментализм будет определять позицию только одной из сторон. Умеренный консерватизм последних Пап и «Основ социальной концепции» РПЦ 2000 года — вот что еще может быть основой для сотрудничества. Но фундаментализм уже привел к «калининградскому инциденту». Отказав в правах на храмы католикам и протестантам, РПЦ рискует получить адекватный ответ: например, в Украине, — в случае прихода к власти «Свободы» калининградское решение может стать удачным прецедентом для передачи храмов от РПЦ к УПЦ КП.

Православный фундаментализм закладывает мины не только на пути диалога разных Церквей или будущего России, но и грозит подорвать единство РПЦ. В Украине УПЦ МП смогла стать крупнейшей Церковью только опираясь на защиту прав и свобод верующих. Если отказать в пользу «государственной целесообразности», согласно которой кто-то определит «святыни», которые выше прав верующих УПЦ МП, то они просто могут оказаться без своих храмов. Ведь маятник власти в Украине имеет свойство от Востока переходить к Западу. И прививка вируса нетерпимости здесь может-таки иметь результат — но прямо противоположный ожиданиям РПЦ.

Вместо выводов. Социальная концепция РПЦ 2008-2010 годов с ее оправданием ограничения прав человека, критикой Запада и учением о «Русском мире» имеет альтернативу в социальном учении Патриарха Варфоломея. Последнее не только прямо проистекает из Библии и святоотеческого учения, но и признается всем православием. Православный фундаментализм РПЦ 2008-2010 годов настолько расходится с умеренным консерватизмом Социальной концепции 2000 года, что экспертное сообщество и православные Церкви даже не могут до конца поверить в то, что мировоззренческая революция в РПЦ произошла всерьез и окончательно. Задачи, которые объективно стоят перед Россией (модернизация), могут спровоцировать отказ Патриарха Кирилла от фундаментализма, что было бы оптимальным сценарием развития событий как для РПЦ, так и для всех заинтересованных сторон.